

Дружинин Андрей Сергеевич

БИОКОГНИТИВНАЯ ОНТОЛОГИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ И СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

В данной статье предпринимается попытка подойти к определению грамматики естественного языка в русле биокогнитивизма и био-социо-культурной теории человеческого развития. Тем самым утверждается, что знание грамматики и грамматических категорий - это не знание грамматических конструкций, форм или правил, а когнитивная привычка (знание-как-действие), основанная на ощущении организмом уверенности в эффективной адаптации к бесконечным изменениям окружающей языковой и социо-культурной ниши путем изменений собственного лингвистического поведения, а именно - комбинаторных и/или трансформационных вариаций "имеющихся в памяти" (значимых) лексических ресурсов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/10-2/22.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 2. С. 74-77. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

12. NME [Электронный ресурс]. 2017. 17 February. 40 p. URL: <https://en.freemags.cc/nme-february-17-2017.html> (дата обращения: 27.03.2017).
13. NME [Электронный ресурс]. 2017. 17 March. 41 p. URL: <http://pdf-magazine.org/nme-17-march-2017.html> (дата обращения: 01.04.2017).
14. Praggeljaz Group. MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse [Электронный ресурс] // Metaphor and Symbol. 2007. № 22 (1). С. 1-39. URL: http://www.lancaster.ac.uk/staff/eiaes/Praggeljaz_Group_2007.pdf (дата обращения: 07.04.2017).
15. Steen G. J., Dorst A. G., Berenike J., Herrmann J. B., Kaal A., Krennmayr T., Pasma T. A Method for Linguistic Metaphor Identification. From MIP to MIPVU [Электронный ресурс]. Amsterdam, 2010. 238 p. URL: <http://bookre.org/reader?file=1470245> (дата обращения: 21.04.2017).

IDENTIFICATION AND CLASSIFICATION OF METAPHORS BY THE MATERIAL OF THE BRITISH MUSICAL EDITION NME

Gallyamova Mariya Sergeevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Baklykova Tat'yana Yur'evna, Ph. D. in Pedagogy

G. I. Nosov Magnitogorsk State Technical University

maria_gallyamova@mail.ru

At present the theory of metaphor identification is widely used. In the research the content of the notion of the metaphor identification method (MIP) by the materials of the British music magazine NME (New Musical Express) is revealed. This method allows studying the mechanisms of metaphor identification. The applicability of the identification method with relation to the selected practical material is demonstrated. As a result of the study, a classification, consisting of three types of metaphors, is distinguished.

Key words and phrases: metaphor; contextual meaning; base meaning; MIP; classification of metaphors.

УДК 81-119

В данной статье предпринимается попытка подойти к определению грамматики естественного языка в русле биокогнитивизма и био-социо-культурной теории человеческого развития. Тем самым утверждается, что знание грамматики и грамматических категорий – это не знание грамматических конструкций, форм или правил, а когнитивная привычка (знание-как-действие), основанная на ощущении организмом уверенности в эффективной адаптации к бесконечным изменениям окружающей языковой и социо-культурной ниши путем изменений собственного лингвистического поведения, а именно – комбинаторных и/или трансформационных вариаций «имеющихся в памяти» (значимых) лексических ресурсов.

Ключевые слова и фразы: аутопоэзис; когниция; грамматические категории; синтаксические конструкции; когнитивная привычка; знание-как-действие.

Дружинин Андрей Сергеевич, к. филол. н.

МГИМО Университет

andrey.druzhinin.89@mail.ru

БИОКОГНИТИВНАЯ ОНТОЛОГИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ И СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

В научной литературе по когнитивной лингвистике последних лет большое внимание уделялось взаимосвязи языка и мышления, а также репрезентативности первого и второго по отношению к реальности. Распространенная гипотеза, в частности, гласит, что язык отражает или репрезентирует определенные ментальные структуры, «единицы осознанного знания» [4, с. 16], которые, в свою очередь, являются репрезентантами окружающего физического мира. В свете подобной идеологии объективного реализма грамматические категории признаются как репрезентации понятийных категорий – преломлений категорий объективного мира (например, категория грамматического времени отражает знания человека об объективном времени). Грамматика языка по большей части понимается как совокупность синтаксических репрезентаций, в основе которых лежат определенные концептуальные структуры – «понятийные субстраты, концентрирующие знания о мире» [12, с. 13]. Однако существующая точка зрения (как и все предпринятые попытки исследователей определить когнитивную природу грамматики) не может не оставлять вопросы относительно онтологии самих репрезентаций: простыми словами, как грамматика становится грамматикой в процессе порождения речи? Как пресловутые грамматические единицы и конструкции «соединяются» друг с другом в доли секунды, образуя бесконечное множество связанных единств формы и содержания, учитывая небезграничные способности человеческой памяти «вмещать в себя» готовые формулы слов и словосочетаний и/или правила их образования [5]? Более того, до конца не ясна природа самих когнитивных структур и концептов, которыми изобилует терминологический аппарат современных исследований, поскольку ни экспериментальные выводы, ни нейрофизиологические данные не подтверждают наличие и не конкретизируют строение и механизм работы хранящихся в сознании «единиц» подобного рода, в отличие от убедительных доводов физиков, ставящих под вопрос существование так называемой объективной, вневременной реальности в чистом смысле этого слова [16].

Очевидно, ключевой задачей в изучении поставленных проблем становится решение эпистемологического вопроса, а точнее, определение того, что же такое знание для человека как био-социо-культурного существа, т.е. самоорганизующейся живой системы (аутопоэзиса), встроенной (*in-formed*) в динамику взаимодействий с внешней физической и социокультурной средой [8; 10; 11]. В этом контексте самоорганизация или саморегуляция (аутопоэзис) живой системы достигается за счет **когниции**, т.е. особого строения нейронных сетей, распределенных по всему организму человека и обеспечивающих работу высшей нервной деятельности в бесконечном множестве структурных взаимодействий «человек – среда» посредством определенных когнитивных/познавательных механизмов, т.е. буквального «запоминания» мультисенсорных реакций организма на повторяющиеся внешние стимулы, в результате чего выстраивается то или иное поведенческое различие – **знание**. Исходя из этого, **знание как продукт данной когнитивной деятельности служит функциональной основой жизни человеческого организма и регулирует все его адаптивные механизмы**.

Не стоит сужать понимание этого явления до рамок хранящейся в памяти инструкции или правила, а также до размытого определения когнитивной структуры, которая отражает или репрезентирует реальность. В сущности, любое поведение, включая катание на велосипеде и решение математической задачи, опирается на когнитивный регулятор. В первом случае речь идет о так называемом динамическом автоматизме (то, что в педагогическом дискурсе может называться навыком), выработанном организмом в результате неоднократных сопряжений с физическими изменениями среды, во втором – уже о мыслительном алгоритме математических операций, «достигнутом» в результате интеллектуальных взаимодействий. Во всех этих ситуациях неизменной остается когнитивная опора в виде поведенческого разграничения – результата встраивания (*in-formation*) организма в собственную нишу, – т.е. **знания как эффективного поведения** [11] двигательного или интеллектуального характера, что достигается за счет распределенных по телу нейронных сетей и тем самым «воплощенной когниции» (*embodied cognition*).

К важному свойству человеческой когниции стоит отнести способность к обеспечению «пластичности» поведенческих реакций. С открытием Н. П. Бехтеревой гибких звеньев мозга – особых мозговых систем, которые наряду с жесткими звеньями регулируют нейронную активность адаптивного характера [3], – стало возможным говорить о своеобразной «готовности» организма сохранять надежное адаптивное состояние в условиях постоянных изменений внешних факторов. Когнитивная система человека может «действовать» настолько вариативно в рамках одной и той же задачи, насколько это обеспечивает устойчивость самой системы. Простыми словами, катание на велосипеде как совокупность двигательных реакций на внешние стимулы физической среды с каждым последующим разом своего совершения никогда не повторяется и не может быть в точности идентичным: маршрут, который выбирает велосипедист, погодные условия, состояние дороги, психологические ощущения и переживания всегда отличны друг от друга в определенной степени, однако внутренние ресурсы организма позволяют ему каждый раз «срабатывать» эффективно, несмотря на данные помехи. Именно эта особенность открывает возможности к физическому и интеллектуальному развитию, когда происходит усложнение требуемых решения задач до определенного уровня **потенциальных ресурсов организма**.

Особым феноменом области взаимодействий, с которой сопряжен человеческий организм как сложная когнитивная система, является язык. Сложность этого феномена заключается, прежде всего, в том, что язык, по сути, представляет собой когнитивное различие уже проведенных организмом когнитивных различий, это новое измерение когнитивной и социокультурной ниши, создаваемое организмом как оязыченной личностью (*linguaging person*) с целью координирования в ней собственных действий, а также ее конструирования. Это означает, что язык образует особую область – область описаний (лингвистическое поле), в которой совершаются уже языковые взаимодействия, что открывает путь к необходимости организму проводить сугубо лингвистические различия. Одним из примеров подобных лингвистических разграничений служат три основные языковые категории, **знание которых функционально регулирует «жизнь в языке» (*linguaging*): лексические, просодические и синтаксические** [1, с. 493].

Исходя из того, что человек как когнитивная система функционирует в своей биологической нише благодаря опыту эффективных взаимодействий со средой, его функционирование в языковой нише не может кардинально отличаться от этой биологической данности и подчиняется условной формуле «знание – эффективное действие». Иными словами, знание как «натренированность тела превращать потенциальные состояния в актуальные» [Цит. по: Там же, с. 499] обеспечивает реализацию того самого языкового действия, которое соответствует грамматическому развертыванию высказывания (*incrementation*). В действительности грамматические категории составляют **запас потенциальных когнитивных ресурсов, «хранящихся» в памяти организма как результат успешных (значимых) взаимодействий в лингвистическом поле и актуализирующихся только в реальном процессе языковых сопряжений и в той степени, насколько это требует контекст внешней среды**. Если применительно к словам мы можем говорить о значении отдельной лексемы как дискретном знании, потенциал актуализации которого может достигать того или иного семантического объема, то с грамматикой дело обстоит иначе: невзирая на попытки лингвистов раздробить синтаксические категории на единицы (грамматические конструкции, граммы или разряды), значение таковых навряд ли «встроено» единично в систему отношения «человек – среда». Скорее всего, это потенциал в чистом виде как когнитивные возможности организма осуществлять языковые действия [2; 7], т.е. реальный «on-line» процесс «создания слов из небытия» [1, с. 495] во множестве их комбинаторных и трансформационных модификаций. Данный процесс всегда пластичен и требует от мозговой системы определенных ресурсов, гарантирующих гибкость, вариативность поведенческих реакций. И такие ресурсы у организма

есть (гибкие звенья мозга), ведь без них было бы невозможно представить часто случающиеся ситуации, когда человек в начале своего предложения буквально не знает (или знает не полностью), как он его закончит.

Человек не мыслит синтаксическими конструкциями, поскольку говорить о них имеет смысл только тогда, когда в них есть «готовые» слова. Синтаксические конструкции – это результат процесса речетворчества, а точнее, актуализации имеющихся когнитивных ресурсов, позволяющих говорящему сочетать и согласовывать знакомые слова таким образом, чтобы быть понятным, т.е. совершить эффективное действие в своей языковой области сопряжений. Такие грамматические ресурсы, как и лексические, «накапливаются» только в результате подобных совершаемых эффективных действий, однако, в отличие от знания слов, знание грамматики само по себе нацелено на реализацию своего потенциала, иными словами, это знание-как-действие [15] или **когнитивная привычка**, что, как и в любой поведенческой привычке, предполагает склонность к экстраполированию поведенческих актов и соответствующему грамматическому «достраиванию» [6]. Именно эта способность к самостоятельному конструированию грамматики языка оказывается ключевой в процессе освоения детьми родного языка. Как показывают исследования, для полной «достройки языковой системы» исходных данных может или должно быть мало – человек способен создавать неограниченное количество новых сообщений на основе небольшого исходного опыта, т.е. он буквально «ухитряется овладеть полной грамматикой языка, слыша наряду с правильными много нечетко произнесенных слов, неполных предложений и т.д.» [Там же, с. 205].

Новое понимание сущности грамматики языка предполагает новый подход к ее описанию, а именно – не только в научных, но и в учебных целях. Что значит описать грамматику? Вероятно, это то же самое, что описать реальный жизненный процесс, сложный в многообразии своих проявлений и настолько непредсказуемый, насколько непредсказуемыми могут быть факторы внешней среды и реакции на них человека. В таком процессе всегда можно выделить определенные закономерности и представить их в виде моделей, которые можно назвать правилами или инструкциями. Однако этот подход всегда условен, ведь трудно согласиться с тем, что за пределами языковой области сопряжений, например, в ситуациях простых двигательных действий – ходьбы, – уместно говорить о правилах или моделях движений, которыми человек «должен» руководствоваться в том или ином случае, при той или иной внешней или внутренней переменной (погодные условия, опоздание, недомогание). Разумеется, человек не вспоминает правила и не полагается на модели походки, когда неспешно или торопливо направляется в какое-то место. Единственное, что им «движет», – это **ощущение уверенности** в том, что именно с такой скоростью, в таком темпе, в таком стиле координации своих движений он сможет адекватно адаптироваться к конкретной ситуации и успешно в ней сориентироваться. Немногим от этого отличаются и жизненные процессы в языковой области сопряжений (*linguaging*), в частности, необходимо признать, что **грамматика и есть ощущение уверенности в своих языковых действиях** [2; 14, с. 111], языковое чутье (*language stance*) [13], и, «поскольку это ощущение глубоко укоренено в сознаниях компетентных носителей языка, оно делает излишним применение в рамках конкретного коммуникативного акта какого-либо свода правил сборки языковых средств в соответствии с абстрактными правилами языка» [1, с. 494].

О правилах и правильности в контексте грамматики стоит говорить лишь в русле эффективности или неэффективности совершаемых действий, причем в социокультурном, а не биологическом смысле. Письменный язык как культурный артефакт существенно отличается от устного языка и является достижением человеческой культуры, где, как и в любой другой форме культурной деятельности, сложились традиции и стандарты, сохранение которых и есть смысл самой культуры [9]. Таким образом, развитие письменности и литературного языка неразрывно связано с особым «этикетом» принятого культурного языкового (а точнее, грамматического) поведения, несоблюдение которого вызывает неодобрение со стороны социума. Именно такое условное социокультурное неодобрение обуславливает неэффективность действий в лингвистическом поле и стремление оязыченной личности адекватно встраиваться в свою социокультурную нишу, следуя нормам письменности в тех ситуациях сопряжений с ней, когда это необходимо. Простыми словами, если вернуться к примеру с походкой, мы вряд ли можем себе позволить прогуливаться по театру во время антракта босиком, даже если это намного удобнее, чем в обуви, поскольку это культурно неприемлемо в окружающем социуме в данном контексте. Тем не менее это не отменяет (физическую) возможность такого стиля прогулки с нашей стороны – мы можем это сделать, например, в пустом театре в компании друзей-работников этого театра, которые нас пригласили на «экскурсию». Исходя из этого, было бы не совсем уместным говорить о невозможности или неправильности прогулки по театру босиком вообще, так же как не совсем «честно» со стороны лингвистов было бы формулировать свод правил – прескрипций, единолично диктующих носителю языка или его изучающему грамматическое поведение, просто потому, что количество таких универсальных правил неизбежно стремится к такому же количеству внезапных единичных исключений из них, по мере того как контекст внешней социокультурной и биологической среды безгранично меняется, вызывая в организме как адаптивной системе всегда неодинаковые состояния координационной неустойчивости, восстановить которую можно только за счет всегда нового, заново выстраиваемого в режиме “on-line” эффективного поведения.

Грамматика (как и лексика) тем самым не отражает реальный мир и не репрезентирует знание о нем. Это и есть знания (**как форма жизни и адаптивный механизм выживания**), приобретенные в достаточно «сжатой» форме по итогам взаимодействий в лингвистическом поле, однако по мере усложнения данных взаимодействий эти знания «становятся» потенциальным ресурсом, реализуемым каждый раз в бесконечном множестве вариаций благодаря определенным нейрофизиологическим свойствам человека как «когнитивного накопителя». Такие ресурсы представляют собой запас известных (знакомых) организму форм выстраивания его координационной деятельности внутри своей референциальной (лингвистической) области, которые

позволяют ему эту область разграничить и измерить адекватно поступающим извне физическим, а также социокультурным «стимулам». Появляющиеся разграничения (различения) и измерения суть привычные нам **грамматические категории**, которые, в отличие от концепции объективного реализма и присущей ему философии, «репрезентируемой» посредством языковых категорий реальности, стоит понимать как естественную потребность оязыченного организма сохранить свою биологическую и социальную устойчивость когнитивным способом, т.е. вооружиться нужными знаниями того, как в бесконечном потоке мультимодальной ин-формации эффективно и адекватно скоординировать свои действия и действия других членов данного сообщества, выработав те или иные эпистемические ориентиры (грамматические средства: синтаксические конструкции, морфологические формы).

Например, если человеческому восприятию определенный класс вещей предстает как нечто, не имеющее зримых границ (вода, небо), человеку, чтобы адекватно ориентировать себя и других в пространстве этих вещей, нужно обозначить определенные разграничения внутри той области, в которой возможна эта координация, т.е. в языке. Так человек «вырабатывает» категории как результат познавательного приспособления к среде, в данном случае – категорию неисчисляемых существительных (*mass nouns*), которую он учится (или знает как) разграничивать посредством определенных языковых ориентиров – маркеров (изменение формы слова), которые, в свою очередь, являются не готовым «материалом», а потенциальным ресурсом – **знанием того, как нужно «повести себя»** в следующий раз при каждом подобном рекуррентном взаимодействии с этим классом вещей.

Таким образом, философия биокогнитивизма, или энактивизма, как именуют данное направление научной мысли ее основатели У. Матурана и Ф. Варела, открывает новые методологические перспективы, поскольку помогает более реалистично и глобально взглянуть на природу грамматических категорий. В частности, новая научная парадигма ставит во главу угла семиотические процессы, протекающие в сознании оязыченного организма в каждом акте его когнитивной адаптации к изменениям внешней среды посредством изменений собственного поведения в лингвистической области в виде адекватной этой области и контексту внешней среды реализации потенциала имеющихся грамматических ресурсов.

Список источников

1. **Архипов И. К.** Взаимодействие речевого поведения и системы язык: как возникает язык на уровне речи // Когнитивные исследования языка. 2012. № 12. С. 489-500.
2. **Архипов И. К.** Слова и синтаксические конструкции // Слово в предложении: коллективная монография / под ред. Л. М. Ковалевой (отв. ред.), С. Ю. Богдановой, Т. И. Семеновой. Иркутск: ИГЛУ, 2010. С. 64-83.
3. **Бехтерева Н. П.** О мозге человека. Размышления о главном. СПб.: Нотабене, 1994. 244 с.
4. **Болдырев Н. Н., Магировская О. В.** Языковая репрезентация основных уровней познания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 2. С. 7-16.
5. **Брудный А. А.** Значение слова и психология противопоставлений // Семантическая структура слова. М.: Наука, 1971. С. 19-27.
6. **Бурлак С. А.** Происхождение языка: факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель: Corpus, 2011. 464 с.
7. **Дружинин А. С.** Знаковая сущность грамматической конструкции // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 5. С. 210-214.
8. **Капра Ф.** Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / пер. с англ. под ред. В. Г. Трилиса. К.: София; М.: ИД «София», 2003. 336 с.
9. **Кравченко А. В.** От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. 388 с.
10. **Кравченко А. В.** «Репрезентация мыслительных структур в языке» как тема научного дискурса // Когнитивные исследования языка. 2012. № 12. С. 205-212.
11. **Матурана У., Варела Ф.** Древо познания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
12. **Фурс Л. А.** Синтаксически репрезентируемые концепты: дисс. ... д. филол. н. Тамбов, 2004. 370 с.
13. **Cowley S. J.** Taking a Language Stance // Ecological Psychology. 2011. Vol. 23. Issue 3. P. 5-25.
14. **Druzhinin A. S.** Towards a Biocognitive Understanding of Grammar // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 8 (62). Ч. 1. С. 110-112.
15. **Frisina W. G.** The Unity of Knowledge and Action: Toward a Nonrepresentational Theory of Knowledge. N. Y.: SUNY Press, 2002. 280 p.
16. **McGee K.** Enactive Cognitive Science. Part 1. Background and Research Themes // Constructivist Foundations. 2005. Issue 1 (1). P. 19-34.

BIOCOGNITIVE ONTOLOGY OF GRAMMATICAL CATEGORIES AND SYNTACTICAL CONSTRUCTIONS

Druzhinin Andrei Sergeevich, Ph. D. in Philology
 MGIMO University
 andrey.druzhinin.89@mail.ru

The article undertakes an attempt to approach an understanding of grammar of natural language in the light of biocognitive and bio-socio-cultural theory of human development. Thereby it is stated that the knowledge of grammar and grammatical categories is not that of syntactical constructions, forms or rules, but a cognitive routine (knowledge-action) based on the confidence of an organism in the effective adaptation to the changes of the linguistic and socio-cultural environment by means of changes in its own linguistic behavior, or combinatory and transformational modifications of lexical resources 'stored in memory'.

Key words and phrases: autopoiesis; cognition; grammatical categories; syntactical constructions; cognitive routine; knowledge-action.